

Kudriāvtsev, P. N

Sud'by Italii

СУДЬБЫ ИТАЛІИ

ОТЪ

ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ЕЯ
КАРЛОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

ОБЗРѢНІЕ ОСТГОТЪ - ЛАНГОВАРДСКАГО ПЕРІОДА
ИТАЛІАНСКОЙ ИСТОРИИ.

Соч. П. Кудрявцева.

»Non essendo dunque stata la chiesa (Romana)
»potente da potere occupare l'Italia, nè avendo
»permesso che un altro la occupi; è stata cagione
»che la non è potuta venire sotto un capo, ma
»è stata sotto più principi e signori; da quali è
»nata tanta disunione e tanta debolezza, che la si
»è condotta ad essere stata preda, non solamente
»de' barbari potenti, ma di qualunque l'assalta.«

Machiavelli, Discorsi.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1850.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Уни-
верситета, печатать дозволяется. Ноября 22 дня 1850 года.

Секретарь Совѣта, Алексѣй Жигарецъ.

Разработка исторіи Западной Европы по памятникамъ представляетъ у насъ въ Россіи разныя мѣстныя неудобства. Изъ нихъ первое и самое важное есть, безъ сомнѣнія, недоступность частію самыхъ источниковъ, частію же тѣхъ произведеній исторической литтературы, которыя могли бы служить ключемъ къ нимъ и объясненіемъ. Кромѣ того, что многіе памятники вовсе не изданы, и до сего времени остаются исключительнымъ достояніемъ мѣстныхъ архивовъ и книгохранилищъ (Ватиканъ, Эскуріаль, Парижъ, Мюнхень, и проч.), не всегда можно надѣяться найти въ нашихъ библіотекахъ полное собраніе уже обнародованныхъ памятниковъ, относящихся къ тому или другому періоду Западной европейской исторіи. Есть неизбежные пропуски, которые могутъ быть пополнены лишь современемъ. Между тѣмъ никто, конечно, не будетъ спорить противъ важности и даже необходимости самостоятельнаго изученія главныхъ событій исторіи Запада и въ нашемъ отечествѣ. Если нужно основать независи-

IV

мость нашихъ собственныхъ сужденій въ дѣлѣ всеобщей исторіи, то достигнуть этого мы можемъ не иначе, какъ самостоятельнымъ ея изученіемъ. Къ тому же побуждаютъ насъ и успѣхи русской исторіи, сдѣланные ею особенно въ послѣднее десятилѣтіе. Они предполагаютъ извѣстную степень зрѣлости сознанія, на которой историческое знаніе вообще становится одною изъ первыхъ умственныхъ потребностей. Не забудемъ притомъ, что для полноты историческаго созерцанія необходима сравнительная точка зрѣнія, а она можетъ быть пріобрѣтена лишь основательнымъ знакомствомъ, кромѣ исторіи отечественной, съ прочими частями всеобщей исторіи человѣчества.

Мысль о потребностяхъ этого рода была для меня первымъ побужденіемъ къ труду, который теперь предлагается на судъ русскимъ читателямъ. Она внушила мнѣ смѣлость предпринять довольно обширное изслѣдованіе въ области Западной европейской исторіи, хотя подъ рукою и не было всего необходимаго запаса источниковъ и литературныхъ пособій. Поощреніемъ служили нѣкоторые предшествующіе труды въ той же самой области, изданные русскими учеными. Укажу особенно на монографію профессора Грановскаго объ «аббатѣ Сугеріѣ» и его времени, которая во многихъ отношеніяхъ могла бы служить образцомъ историческаго изслѣдованія по источникамъ. Мой выборъ палъ на начальный періодъ исторіи новой Италіи. Этому были свои особенныя причины. Извѣстно, какое важное мѣсто за-

нимаетъ Италия въ исторіи новаго европейскаго общества по силѣ своего вліянія на умственное и нравственное его образованіе. Въ разныя эпохи новой исторіи она была какъ-бы проводникомъ, посредствомъ котораго новый міръ сообщался съ древнимъ, сколько еще уцѣлѣло его въ историческихъ и литературныхъ памятникахъ, въ произведеніяхъ искусства и наконецъ въ остаткахъ самыхъ учреждений, хотя уже много измѣнившихся отъ времени. Это стороннее вліяніе Италиі давно уже замѣчено историками, и благодаря многимъ, какъ общимъ, такъ и частнымъ изслѣдованіямъ, приведено почти въ совершенную ясность. Но внутреннее развитіе италіанской исторіи, столько своеобразной и столько непохожей, какъ по своему ходу, такъ и по своимъ результатамъ, на все тѣ, что параллельно съ нею происходило въ другихъ странахъ Европы, по моему мнѣнію, остается до сихъ поръ недостаточно объясненнымъ, не смотря на богатство источниковъ и обильную историческую литературу, въ которую внесли свои вклады, кромѣ туземныхъ ученыхъ, и многіе иностранные изслѣдователи. Германія, Франція, Англія, въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе Италиі. Макиавель, который самъ былъ не что иное, какъ самое умное и вѣрное выраженіе всей предшествующей италіанской исторіи, первый далъ ключъ къ уразумѣнію истиннаго хода ея; но, къ сожалѣнію, политикъ рано заслонилъ въ немъ историка, и я не знаю, кто бы потомъ воспользовался его историческими идеями, чтобы при свѣтѣ ихъ распутать хотя главные узлы

VI

исторія его отечества. Впрочемъ, надобно признаться, что самыя идеи Макиавеля-историка въ такомъ только случаѣ получаютъ въ глазахъ читателя глубокой смыслъ и полную значительность, когда знакомству съ ними предшествуетъ основательное изученіе началъ италіанской исторіи, хотя оправданіемъ имъ служить все дальнѣйшее ея продолженіе. Скажу проще: объясняя ходъ италіанской исторіи своими идеями, Макиавель самъ лучше всего объясняется ею же. Въ бытописаніи каждаго народа важенъ начальный его періодъ, какъ зерно, изъ котораго развивается вся послѣдующая его исторія. Здѣсь полагаются первыя основы его быта, здѣсь образуются главныя черты новой національности, здѣсь же опредѣляются впервые и условія ея будущаго политическаго существованія, частію самыя формы государственныя. Въ исторіи Италіи эта значительность начального періода виднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно бы даже сказать, что вся послѣдующая исторія страны есть прямой и необходимый результатъ того направленія, которое она получила въ первомъ періодѣ своего развитія. Приведенный самымъ ходомъ моего изслѣдованія къ этому необходимому заключенію, я былъ пораженъ имъ тѣмъ болѣе, что не могъ не узнать въ немъ главной идеи Макиавеля, которая—казалось мнѣ прежде—вовсе не восходила такъ далеко и оправдывалась лишь событіями его вѣка, или по крайней мѣрѣ ближайшими къ его времени! Тогда мнѣ стало понятнѣе какъ то великое значеніе, которое по

VII

всему принадлежит **Макиавелю** въ итальянской исторической литературѣ, такъ и необходимая связь всей его политической системы со всею предшествующею исторіею **Италіи**: первая, очевидно, была непосредственнымъ произведеніемъ послѣдней, и могла вырасти лишь на почвѣ, ею приготовленной.

Съ цѣлію содѣйствовать по возможности къ уясненію все еще довольно темнаго вопроса о главныхъ направленіяхъ и событіяхъ, подѣ влияніемъ которыхъ совершалось образованіе новой итальянской національности, предпринялъ я мое обозрѣніе остготлангобардскаго періода итальянской исторіи. Какъ я уже замѣтилъ, у меня не было полного запаса всѣхъ источниковъ и литературныхъ пособій, относящихся къ этому періоду. Между первыми назову особенно *Breviarium Diaconi Liberati*, *Liber diurnus*, *Fantuzzi* — *Monumenti Ravennati*, *Marini* — *I papiri diplomatici*, которыхъ мнѣ недоставало: встрѣчающіяся въ книгѣ ссылки и указанія на нихъ сдѣланы по указаніямъ другихъ изслѣдователей. Имѣя впрочемъ подѣ рукою самое важное, *Біографа Анастасія*, *Павла Діакона*, *Письма Григорія Великаго*, *Каролингскій Кодексъ*, наконецъ всего *Муратори*, я не сомнѣвался въ возможности выполнить по этимъ источникамъ мою задачу болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Къ тому же я могъ пользоваться и самыми *Лѣтописями (Annali)*, составленными *Муратори*: по своей полнотѣ и обилію фактовъ, онѣ, въ случаѣ нужды, почти въ состояніи были бы замѣнить собою самые источники. Вообще, что касается

VIII

Муратори, то историческіе труды его заслуживаютъ всякаго уваженія и не потеряли своей цѣны даже въ наше время. Въ критической оцѣнкѣ какъ фактовъ, такъ и самыхъ памятниковъ, онъ по своей рѣдкой добросовѣстности и знанію дѣла доселѣ остается самымъ опытнымъ и вѣрнымъ руководителемъ. Матеріаль же, имъ собранный, такъ великъ, что, читая только его Лѣтописи, узнаешь изъ нихъ едва ли не болѣе, чѣмъ изъ многихъ другихъ историковъ Италіи, взятыхъ вмѣстѣ. Жаль только, что всѣ событія расположены здѣсь по годамъ, безъ крѣпкой внутренней связи. Для меня, при занятіяхъ моихъ остгот-лангобардскимъ періодомъ, Лѣтописи Муратори постоянно были настольною книгою, къ которой я обыкновенно прибѣгалъ во всякомъ сомнительномъ случаѣ,—если не за совѣтомъ, то за справкою.

Изъ литературныхъ пособій мнѣ особенно чувствителенъ былъ недостатокъ книги Джанноне, *Storia civile del regno di Napoli*, сочиненія стараго, которое впрочемъ до сего времени не потеряло своихъ достоинствъ. Новѣйшими произведеніями Италіанской исторической литературы, сколько они относятся къ исторіи остгот-лангобардскаго періода, я также не могъ пользоваться по желанію, составляя мое обзоріе. Этотъ важный недостатокъ впрочемъ значительно восполнило мнѣ превосходное сочиненіе Гегеля (постокскаго профессора, сына знаменитаго философа) »*Geschichte der Städtefreiheit v. Italien*, которое своимъ подробнымъ и отчетливымъ анализомъ лучшихъ монографій, написанныхъ въ Италіи по этому пред-

IX

мету, отчасти замѣнило мнѣ многія изъ нихъ. Вообще, я такъ много обязанъ сочиненію Гегеля, что могу упоминать о немъ не иначе, какъ съ признательностію. Можно не соглашаться съ нимъ въ главныхъ выводахъ и находить ихъ нѣсколько односторонними, но нельзя не отдать должной справедливости подробностямъ его изслѣдованія. Гегель не пропустилъ ни одного явленія въ юридической жизни италіянскаго народа въ продолженіи остготско-лангобардскаго періода, и каждое изъ нихъ оцѣнилъ самостоятельно и независимо. Вѣрный историческій тактъ указалъ ему сверхъ того связь этихъ явленій съ самою жизнію народа и необходимое вліяніе ихъ на ходъ его исторіи. Такимъ образомъ получили свой настоящій смыслъ многія событія первоначальной италіянской исторіи, которыя прежде или вовсе пропущены были безъ вниманія, или оставались неузнанными въ своемъ истинномъ значеніи. Замѣчу наконецъ, что кромѣ того, что прямо содержится въ самомъ изслѣдованіи Гегеля, на многое оно наводитъ мысль необходимостію логическаго заключенія.

Читателей моей книги считаю также нужнымъ предупредить еще объ одномъ обстоятельстве. Не удивлюсь; если книга не удовлетворитъ сполна ихъ требованію занимательнаго чтенія. Лишь въ малое извиненіе себѣ сошлюсь напередъ на характеръ самыхъ источниковъ, которыми я пользовался. Чрезвычайная сухость разсказа и скудость подробностей — отличительныя ихъ свойства, за немногими исклю-

Х

неніями. Даже событія рѣдко разсказаны обстоятельно; что же касается до историческихъ дѣятелей, двигателей этихъ событій, то едва лишь можно уловить самыя главныя ихъ черты. Иногда вмѣсто живыхъ лицъ приходится выводить на сцену почти только голыя имена. Впрочемъ я старался пользоваться всѣми намеками, какіе только находилъ въ источникахъ, чтобы хоть сколько-нибудь помочь этому вопіющему недостатку въ сочиненіи чисто историческаго содержанія. — Очень жалѣю также, что долженъ былъ обременить мою книгу цитатами: но онѣ казались мнѣ совершенно необходимыми, чтобы читатель тотчасъ же могъ повѣрять мои положенія, основанныя прямо на источникахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.....	стр.	I.
I. Вступленіе. — Внутреннее разложеніе римскаго міра. Измѣненіе въ характеръ учрежденій. Переходъ отъ имперіи къ варварскому владычеству. Задача Обзорѣнія		1
II. Владычество Остъ-Готовъ въ Италіи. Составъ готскаго государства. Отношенія Готовъ къ туземцамъ или Римлянамъ. Первые проявленія національнаго духа въ новой Италіи.....		17
III. Императоръ Юстиніанъ и война его съ Готами. Характеръ войны и составъ имперскаго ополченія. Новое завоеваніе Италіи. Перемѣна въ отношеніяхъ ея къ Восточной имперіи.....		50
IV. Новый характеръ отношеній между Римлянами и Восточною имперіею. Нашествіе Лангобардовъ. Мѣры принятыя противъ нихъ имперіею. Предѣлы новаго завоеванія		88
V. Разрывъ, произведенный лангобардскими завоеваніями между Римомъ и Равенною. Характеръ лангобардскаго завоеванія. Особенное положеніе римскихъ епископовъ. Григорій Великій и его дѣятельность.....		121
VI. Италія по смерти Григорія Великаго. Государство Лангобардовъ въ VII вѣкѣ. Византійская имперія при Геракліѣ и его преемникахъ. Отношенія къ нимъ новой власти въ Италіи.....		190

XII

VII. Городская община въ Италіи по паденіи римской имперіи. Состояніе городовъ въ экзархатахъ и въ лангобардской Италіи. Новое движеніе, обнаруживающееся въ городахъ экзархата въ продолженіе VII вѣка. Римскія и равеннскія происшествія послѣ Сергія. 278

VIII. Григорій II и Ліутпрандъ король Лангобардовъ. Иконоборческіе императоры на византійскомъ престолѣ. Распространеніе иконоборческихъ эдиктовъ на Италію. Разрывъ Григорія II съ Константинополемъ. Григорій III..... 341

IX. Римскій престолъ и государство Лангобардовъ въ VIII вѣкѣ. Политика и законодательство Ліутпранда. Сполето и Беневентъ. Войны Ліутпранда съ южною Италіей. Епископъ Захарій..... 426

X. Открытая вражда между римскимъ престоломъ и государствомъ Лангобардовъ. Рачисъ и Айстульфъ. Сношенія Стефана II съ Пепиномъ Короткимъ. Походы Пепина въ Италію. Даръ его римскому престолу..... 487

XI. Римскій престолъ подъ патріціатомъ Каролинговъ. Мѣстныя власти въ римской Италіи по освобожденіи ея отъ византійскаго владычества. Партіи въ Римѣ. Стефанъ III. Родственный союзъ между Дезидеріемъ и Каролингами. Адріанъ I и Карлъ Великій. Завоеваніе лангобардскаго государства..... 549

XII. Измѣненіе въ характеръ римскаго патріціата. Распространеніе власти Каролинговъ на всю лангобардскую Италію. Отношенія Карла Великаго къ Адріану I и римской Италіи вообще. Левъ III. Бѣгство его въ Падерборнъ. Вѣнчаніе Карла императорскою короною. Заключеніе..... 608

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Внутреннее разложеніе римскаго міра. Измѣненіе въ характеръ учрежденій. Переходъ отъ имперіи къ варварскому владычеству. Задача „обозрѣнія.“

Въ борьбѣ съ германскими народами совершались послѣднія судьбы римской имперіи. Поднимая въ первый разъ руку на Германцевъ, Римъ видѣлъ въ нихъ только новыхъ людей, не узнавалъ приближенія новыхъ временъ и съ ними новаго порядка вещей, какъ не узнавалъ онъ и другаго новаго явленія, которое совершалось тогда на Востоцѣ. Римскій народъ такъ долго жилъ своею собственною, самостоятельною жизнію; у него еще было такъ много вѣры въ свое величіе, что не могъ онъ тотчасъ же почувствовать всю великость опасности, приходившей извнѣ, не могъ тогда же привести къ своему сознанію мысль, что не вѣчно даже и его всемірное владычество. Были неясныя предчувствія у многихъ, но правители, а за ними цѣлый народъ, еще думали о новыхъ завоеваніяхъ. Тиберій былъ первый, который послѣ опытовъ нѣсколькихъ лѣтъ, усомнился въ прочности римскихъ завоеваній въ Германіи.

Событія не замедлили оправдать мысль Тиберія. Каждое, вновь возрастающее, поколѣніе приносило уже съ собою въ свѣтъ меньше вѣры въ силу римскаго оружія, больше страха передъ племенъ Германцевъ. Траянъ, нѣ-

сколько лѣтъ съ честію сторожившій имперію отъ нападеній сѣверныхъ варваровъ, принесъ съ собою на престолъ убѣжденіе въ необходимости—провести постоянную границу между Римлянами и Германцами и защитить ее надежными укрѣпленіями: но даже и укрѣпленная граница не спасала—по крайней мѣрѣ отъ страха варварскаго имени: онъ проникъ въ самый Римъ. По случаю маркоманскаго движенія при Маркѣ Авреліи, Римлянами овладѣлъ такой ужасъ, что всѣ языческіе культы, сколько ихъ ни находилось въ Римѣ, были призваны содѣйствовать, каждый своимъ образомъ, къ умиловленію боговъ. Двадцатилѣтними успѣхами бѣда, казалось, была отвращена: то есть отбиты были передовыя варварскія дружины, за которыми лежали новые слои, такъ сказать, непочатыхъ еще народностей Германіи. Тамъ копилась самая страшная гроза противъ Рима; Римъ истощился прежде, нежели даже встрѣтился съ нею, и, какъ бы по предчувствію этой новой опасности, римскій богъ Тегминус въ первый разъ отступилъ назадъ: завоеванная Траяномъ Дація оставлена была Римлянами при Авреліахъ.

Еще нѣсколько благородныхъ и вмѣстѣ отчаянныхъ усилій послѣдняго римскаго героизма, представленнаго Деціемъ, Клавдіемъ, Пробомъ, протянули борьбу на нѣсколько времени. Но къ чему вело, что Римляне еще продолжали отбиваться отъ внѣшней опасности, когда у нихъ дома, внутри имперіи, происходило разложеніе безпримѣрное? — Оно началось давно, — оно началось съ тѣхъ поръ, какъ войско отдѣлилось отъ народа, перестало жить съ нимъ одною мыслию, когда легіоны разошлись даже между собою, такъ что каждая армія, германская, испанская, восточная, хотѣла себя полной самостоятельности и подчиненія своей власти цѣлаго народа, когда потомъ эти арміи мало по малу наполнились варварами, такъ что римскій народъ, самъ не замѣчая того, защищался отъ варваровъ силами варварскими же. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе усиливался варварскій

влементъ подъ римскими знаменами, — тѣмъ болѣе истощалось въ рядахъ римскаго войска чувство римской національности. Духъ разъединенія, господствовавшій въ римскомъ войскѣ, скоро нашелъ себѣ и опредѣленную форму: раздѣленіе армій на Восточную и Западную взяло верхъ надъ другими болѣе мѣлкими раздѣленіями и выразилось въ двухъ военныхъ государствахъ, оффициально поставленныхъ Діоклеціаномъ внутри единой имперіи.

Тогда уже Римъ потерялъ значеніе центра имперіи и резиденціи императорской власти: ему уже предпочитали Миланъ. Но это было лишь начало его паденія. Въ мысляхъ основателя новаго, христіанскаго государства и самая императорская власть приняла иной характеръ. Для новой единодержавной власти нужна была и новая резиденція. Константинополь долженъ былъ не затмить только Римъ своимъ блескомъ, но и закрыть его своимъ значеніемъ. Возстановленное Константиномъ единство имперіи однако не удержалось долго: скрывавшееся подъ нимъ внутреннее распаденіе имперіи къ концу вѣка опять вышло наружу. Востокъ и Западъ раздѣлились снова, чтобы потомъ идти впередъ каждый своею дорогою. — Но Римъ не выигралъ ничего и при этой сдѣлкѣ: Римъ обошли еще разъ, ему предпочли Равенну.

Такъ съ каждымъ поколѣніемъ новые элементы все дальше и дальше простирали свои завоеванія внутри стараго зданія — римской имперіи, и, водворяясь въ нихъ, какъ въ своемъ владѣніи, какъ будто хотѣли осудить Римъ на жизнь провинціального города. Римскимъ именемъ продолжало означать новое государство всѣ свои акты, но это потому лишь, что настоящій смыслъ слова былъ забытъ современниками, а впрочемъ слова «константинопольскій» или «равеннскій» были бы здѣсь гораздо болѣе на мѣстѣ; потому что нигдѣ формы римской общественной жизни не подвергались такимъ существеннымъ измѣненіямъ, какъ въ эдиктахъ императоровъ IV и V столѣтій. — Что стало съ римскими городскими учреж-